

ЛЕВ КОЛОДНЫЙ

НИКИТСКИЙ БУЛЬВАР

Лев Колодный

Никитский бульвар

«ВЕЧЕ»

2014

Колодный Л. Е.

Никитский бульвар / Л. Е. Колодный — «ВЕЧЕ», 2014

В центре Москвы Никитский бульвар возник после 1812 года, его история уместается всего в два века, тогда как Большая Никитская улица, чье имя перешло к нему, служила Москве с XV – XVI веков. Но эта одна из самых замечательных улиц центра, заполненная памятниками архитектуры. На ней сохранилась старинная церковь Федора Студита, где молился, живя в Москве, генералиссимус Александр Суворов и похоронены его родители. Последние годы жизни Николая Гоголя прошли в доме графа Александра Толстого, где сегодня открыт замечательный музей творца «Ревизора» и «Мертвых душ» и установлен ему памятник, созданный Николаем Андреевым. В XX веке на Никитском бульваре открылись Дом журналиста, два музея, в его домах жили покорители Арктики, многие замечательные артисты. Лев Колодный, известный журналист и писатель, автор многих книг о Москве, первый написал о Никитском бульваре авторский путеводитель, рассказав о всех достопримечательностях и великих предках, живших на этой зеленой улице Москвы.

© Колодный Л. Е., 2014

© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Введение	6
Никита и Федор. Предки Петра Великого	7
«Магниты очей» князя Потемкина-Таврического	14
«Соловьиный дом». Кто жил в нем?	19
Из западни на Запад. Судьба гениев Никитского бульвара	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лев Колодный Никитский бульвар

© Колодный Л.Е., 2014

© ООО «Издательский дом «Вече», 2014

* * *

*Выражаю глубокую благодарность адресологу-консультанту
«Московской энциклопедии» Дмитрию Иосифовичу Бонадаренко,
сообщившему мне местожительство многих замечательных людей,
обитавших на Никитском бульваре*

Введение

Подобно всем московским бульварам Никитский – образован на месте срытого городского вала и разобранных стен и ворот Белого города. Приехавший в Москву Белинский увидел его обе линии по сторонам, состоящим «преимущественно из господских (московское слово!) домов». Его застроили по проектам лучших московских архитекторов самые знатные и богатые дворяне.

В двухэтажном особняке, каким выглядел до надстройки Дом печати – Центральный дом журналиста, в феврале 1831 года состоялся бал, где впервые после женитьбы Пушкин вывел в свет красавицу жену Наталью Гончарову.

Никитский бульвар не стал местом, где, по словам Батюшкова, «и франт, и кокетка, и старая вестовщица, и жирный откупщик скачут в первом часу утра с дальних концов Москвы», как соседний Тверской бульвар.

Путеводитель по Москве в XIX веке описывал Никитский бульвар такими словами: «Днем тут встретите исключительно гуляющих детей с их няньками и боннами; вечером же он служит большею частью для милых свиданий».

Среди опекаемых детей, стараясь не привлекать к себе внимание, прогуливался сутулящийся Николай Гоголь, живший здесь после приезда из Италии. В особняке, сохранившемся до наших дней и ставшем музеем Николая Васильевича, как артист, читал он друзьям главы второго тома романа «Мертвые души», который ждала читающая Россия. Им восхищались Тургенев, Островский, Аксаков, Щепкин, и в этом доме, к их ужасу, рукопись недописанного романа сгорела в огне камина.

Когда особняк, где танцевал Пушкин, стал после революции Домом печати, в нем побывали самые известные писатели и журналисты времен СССР, начиная с Есенина и Маяковского, кончая Симоновым и Эренбургом.

В новом «Доме полярников», напоминающем итальянские дворцы эпохи Возрождения, поселились в 1937 году летчики, первые Герои Советского Союза. А в другом большом кирпичном доме, с контуром известной геометрической фигуры, жили Смоктуновский и Ефремов, пришедшие на смену «старикам» Малого и Художественного театра.

Никита и Федор. Предки Петра Великого

У древней Волоцкой дороги, которая вела к Волоколамску и далее к Великому Новгороду, поэтому наделенной вторым названием – Новгородской, знатный боярин Никита Романович Захарьин основал рядом, где жил, монастырь в честь своего небесного заступника Никиты Великомученика.

Святого Никиту нарекли Готфским по имени воинственного древнегерманского племени готфов (ныне их называют готами).

В стихотворении «Родрик», навеянным испанскими хрониками, Пушкин описал битву короля готфов с маврами, длившуюся восемь дней:

Готфы пали не бесславно:
Храбро билися они,
Долго мавры сомневались,
Одолеет кто кого...

Святой Никита, готский воин, принял крещение и обращал в христианство соплеменников, язычников, за что был ими истерзан и брошен в костер в 372 году. На иконах его изображают воином. На одной из них Никита в доспехах, с луком и стрелой, колчаном за спиной. На другой иконе карает цепью, ухватив за волосы, хвостатого черта.

Наш Никита Романович стал родоначальником династии Романовых. Родной брат царицы Анастасии, любимой жены Ивана Грозного, в его царствование возвысился на зависть многим боярам. По случаю свадьбы удостоился высокой чести – мылся с ним, ночевал у его постели. И при Федоре Ивановиче первенствовал, будучи двоюродным братом этого царя. Во втором браке боярин стал отцом десяти сыновей и дочерей. Старший сын Федор обладал многими достоинствами, слыл «любопытным и начитанным, веселым и приветливым, красивым и ловким». Любовь к книгам, знание латыни уживались с любовью к развлечениям и нарядам. Федор Романович имел шансы взойти на престол.

Царем, как известно, избрали Бориса Годунова, покаравшего Романовых. Федора Никитича заточили в северном монастыре. Там боярина насильно постригли в монахи под именем Филарета. Такая же участь постигла жену Федора. Малолетнего сына Михаила и дочь содержали в заточении на Белом озере.

Вернулся в Москву Федор-Филарет при Лжедмитрии I и обрел сан митрополита. Невзирая на сан, рискуя головой, он участвовал в заговорах, интриговал против царя Василия Шуйского. Во главе «великого посольства» склонялся было заключить договор с Польшей и признать русским царем сына польского короля. Но во время переговоров, происходивших у стен осажденного Смоленска, не согласился подписать договор, за что попал на восемь лет в польский плен. Филарета освободили из неволи, когда царем в Москве избрали не королевича Владислава, сына Сигизмунда III, а его малолетнего сына Михаила.

Торжественная встреча молодого царя с отцом произошла при всем народе у ворот Белого города на Волоцкой, Новгородской дороге. Бывшего пленника на радостях провозгласили Патриархом Московским и всея Руси и «великим государем». В память о былых страданиях и счастливом исходе Филарет основал у ворот Белого города Федоровский монастырь.

По указу царя Михаила Федоровича: «На том месте отцу нашему патриарху Филарету по его обещанию создать монастырь, а в нем храм воздвигнути во имя преподобного отца нашего Феодора Студийского». Главный престол храма посвящался Смоленской иконе Божьей Матери, с ее заступничеством связывал Филарет свой подвиг у Смоленска, где не подписал унижительный договор.

Спустя год по указу на этот раз самого «великого государя святейшего патриарха Филарета» было велено в монастыре «за Микицкими воротами» иконописцу Назарию Истомину написать «двери царские, да местные образы, да деисусы, да образ Пречистыя Богородицы запрестольныя, да крест запрестольный на золоте».

Судьба Федора Романовича напоминает судьбу настоятеля Студийского монастыря. Федора Студита изгоняли из монастыря и возвращали в обитель, заключали в темницу, ссылали на острова, а после освобождения встречали всем народом в Константинополе как мученика и чудотворца.

Так, волею основателя династии Романовых возник в Москве на дороге, ставшей Большой Никитской улицей, женский Никитский монастырь. А там, где улица уходила за стены Белого города, его сын патриарх Филарет основал мужской Федоровский монастырь.

Судьба монастырей печальна. Старинная стена келий Никитского монастыря тянулась вдоль Большой Никитской улицы. Кельи возвел архитектор князь Дмитрий Ухтомский при Елизавете Петровне. За стеной теснились храмы. Собор Никиты Великомученика появился в 1554 году. Церковь Дмитрия Солунского датировалась 1625 годом.

После пожара 1812 года в Никитском монастыре сохранились целыми две иконы. Все сгорело в огне пожара или разграбили французы. Как ни трудно было, но этот московский монастырь в отличие от других, сгоревших и разграбленных, возродили в силу «его древности и особого значения», связанного с именем Романовых.

Никитский монастырь соседствовал со зданиями Московского университета. Иван Гончаров, автор «Обломова», запомнил тот день, когда увидел в соборе монастыря Пушкина. Узнав о его гибели, студенты собрались, заказали хор певчих, свечи для полного освещения собора, но полиция не позволила отслужить панихиду.

Лев Толстой в «Анне Карениной», говоря о прогулке Константина Левина, писал, что «слепая стена монастыря, мимо которой, свистя, шел мальчик, и извозчик ехал ему навстречу в санях, почему-то осталась в его памяти».

Колокольня церкви Воскресения Словущего

В середине стены во второй половине XIX века выросла в классическом стиле башня-колокольня и появилась взамен прежней церковь Воскресения Словущего. Их создал самый известный тогда в городе архитектор Михаил Быковский, творец многих московских церквей и двух сохранившихся монастырей – Ивановского и Перервинского.

Колокольня на Большой Никитской походила на построенную им ранее колокольню Страстного монастыря на Тверской. Башня напоминала ступенчатую пирамиду. Ее образ противоречил средневековым храмам за стеной, но соотносился с классическими зданиями улицы. Нижний ярус служил палатами, проездными воротами и храмом. На втором ярусе висели редкого звучания колокола. Третий ярус выглядел часовой башней. Над ней кружилась ротонда под крестом на высоте 32 метра. (Это рост десятиэтажного дома.) Обе колокольни Михаила Быковского беспощадная к религии советская власть до войны разрушила.

«Древностью и особым значением» пренебрегли те, кто решал тогда судьбу церквей и колоколен. Никитский монастырь закрыли под предлогом «острой нужды в помещении библиотеки иностранной литературы Наркомпроса». А в 1933 году стерли с лица земли три храма, часовню и звонницу, сбросив на землю неподобные колокола. На них играл, исполняя собственного сочинения композиции, живший поблизости в Малом Кисловском переулке гениальный музыкант Константин Сараджев, ценивший подбор колоколов, их тембр, окраску звуков. От всего монастыря сохранилась часть келий со стороны Большого Кисловского переулка.

Проходя по Большой Никитской мимо чахлого сквера, трудно предположить, что появившееся на месте монастыря многоэтажное здание в сером с вертикальными окнами – электрическая подстанция метрополитена. Конструктивизм в 1935 году попал под тотальный запрет. Архитектор, оглядываясь на классицизм, создал фасад с портиком из 8 крупных полуколонн. Капители, завершения полуколонн, напоминают буфер вагонов, выдавая суть здания. Статуи метростроевцев дополняют античное убранство фасада.

Серые стены противоречат светлой классике, что дало основание Илье Ильфу в записной книжке метнуть стрелу во «вдохновенное создание архитектора Фридмана». Иная оценка содержится в известной книге Петра Сытина «Из истории московских улиц»: «После Великого Октября снесены все здания Никитского монастыря и на их месте построено красивое здание подстанции метро». Когда она не станет необходимой, кто знает, не зазвонят ли на прежнем месте колокола...

Никитская электроподстанция метрополитена

О монастыре патриарха Филарета можно говорить в настоящем времени. За спиной барачного типа дома на углу Никитского бульвара и Большой Никитской улицы выглядывают церковь Федора Студита и колокольня бывшей обители.

В день празднования памяти Федора Студита 11 ноября 1480 года произошло историческое «стояние на Угре» русского и татарского воинства.

Когда «великий государь» патриарх Филарет решил основать монастырь, обветшавший древний храм разобрали. На его месте четыреста лет тому назад возник пятиглавый собор Федоровского Смоленского Богородицкого больничного монастыря. При обители устроили больницу для бедных, одну из первых в Москве.

Правнук Филарета Петр Первый упразднил патриаршество и закрыл патриарший монастырь, где любил уединяться его прадед. Собору придали статус приходского храма. В его приход попал дом на Большой Никитской, где жил, посещая Москву между походами, граф Римникский князь Италийский, генералиссимус, не потерпевший в сражениях ни одного поражения. Солдаты отдавали любимому генералу почести, как императору. Имя его известно в России всем.

С трибуны мавзолея на параде Красной армии 7 ноября 1941 года Сталин первым назвал Александра Суворова в числе великих предков, призвав бойцов и командиров вдохновляться их подвигами. А было время, когда при советской власти Суворова всенародно осуждали как царского генерала за поимку Пугачева, взятие Варшавы.

Образ непобедимого полководца воодушевлял не только бойцов и командиров. В Кремле во время Великой Отечественной войны портрет Суворова попадал на глаза всех командующих фронтами и армиями в кабинете Верховного Главнокомандующего.

На фасаде особняка на Большой Никитской под уличным номером 42 до революции установили одну из первых в городе мемориальных досок в виде щита с барельефом полководца, гласящую, что здесь жил Александр Васильевич Суворов. Никитский бульвар переименовали в Суворовский.

Суворов жил в собственном доме и посещал службы в церкви Федора Студита. По преданиям, у стен храма похоронена его мать. Будучи любителем духовной музыки, Александр Васильевич пел в церковном хоре на клиросе, месте для певцов и чтецов.

Под сводами этой церкви Суворов венчался, как пишут, с «красавицей русского типа, полной статной румяной, но с умом ограниченным», и малообразованной. То была княгиня Варвара Ивановна Прозоровская, дочь генерал-аншефа. В браке первой родилась дочь Наташа, которую отец боготворил, называл Суворочкой, писал ей на привалах нежные письма.

Счастье в браке пожилого генерал-майора с молодой женой с разницей в возрасте в 20 лет длилось недолго. Через пять лет после венчания, по словам биографов, «нетерпеливый и горячий до вспышек бешенства, неуступчивый и деспотичный», пренебрегавший комфортом, «бережливый до скупости», не терпевший роскоши спартанец возненавидел красавицу. Характер жены «легкомысленный и избалованный с детства», твердый и неуступчивый, с привычкой «к мотовству и открытой жизни», привел к неминуемому разрыву.

Суворов обвинил жену в неверности, в прошении о разводе заявил, что она «отлучалась своевольно, употребляла развратные и соблазнительные обхождения, неприличные чести ее». Все инстанции – Духовная консистория, Синод, императрица Екатерина II развода не дали. Временное примирение привело к рождению сына Аркадия. Но и это обстоятельство не скрепило брак. Детей поделили. Дочь осталась с отцом, малолетний сын – с матерью, получившей от мужа «раздельное жительство» и «отдельное содержание». Дом на Большой Никитской улице принадлежал Суворову до 1800 года. В том году, в семьдесят лет, кумир армии и народа умер в Санкт-Петербурге, где похоронен под камнем с надписью «Здесь лежит Суворов».

С тех пор храм Федора Студита дошел до наших дней видоизмененный в силу разного рода переделок. После пожара 1812 года пять глав сменила одна, фасад церкви и приделов приобрел черты ампира, а позднее во второй половине XIX века – эклектики. При всем консерватизме православная церковь в сфере зодчества всегда шла в ногу со временем, градостроителям давала полную свободу творить храмы в том стиле, какой господствовал в светском обществе.

В пятую годовщину советской власти, в 1922 году, двери храма Федора Студита для верующих закрыли. Из оскверненных и опустошенных стен вывезли пуд с лишним серебра, сбили крест над главкой, сломали алтарь, запустили в помещение арендаторов, приспособивших здание под свои нужды.

В отличие от церкви колокольня Федора Студита оставалась триста лет такой, какой ее видел Филарет. Она напоминала шатер. В Москве насчитывалось всего две таких башни редкой архитектуры. Одна стояла на Лубянской площади у церкви Гребневской иконы Божьей Матери, ее разрушили. Ту, что у Никитских Ворот, разобрали на кирпич и поставили на ее месте уродливый жилой дом. Поэтому когда в наши дни решили воссоздать утраченную колокольню, ее пришлось установить на другом месте, где она сейчас видна вблизи храма. Церкви Федора Студита вернули пять глав и былой вид, так как она выглядела у каменных стен и ворот Белого города, когда не существовало Никитского бульвара.

У площади Никитские ворота по повелению Павла I по проекту петербургского архитектора Стасова появилась гостиница. На земле, где сейчас строения бульвара, историк Петр Сытин во времена Суворова насчитал шесть дворов служащих соседних церквей, четыре двора купцов, шесть дворов чиновников и знати. Их заполняли сплошь деревянные дома, лавки, харчевни, цирюльни. Все это многообразие сгорело при пожаре 1812 года.

После бурного возрождения Москвы картина резко изменилась. На месте разобранных стен Белого города и земляного вала поднялись в два ряда липы Никитского бульвара. Его проезды, внутренний и внешний, начали обживать самые знатные и состоятельные аристократы, заказывая проекты особняков лучшим архитекторам. Когда эта работа завершилась, увидевший Москву в первой половине XIX века Белинский заметил: «...обе линии по сторонам Тверского и Никитского бульваров состоят преимущественно из господских (московское слово!) домов».

Пройдем по сторонам бульвара, где сломали гостиницу времен Павла I и Суворова, но сохранились другие дома, где жили замечательные люди.

Сосед Никитского монастыря – Московский университет сохранил все свои здания на Большой Никитской улице. На углу с Романовым переулком, названным так в честь династии Романовых, в двухэтажном некогда жилом доме, находилось издательство МГУ, а в глубине двора помещалась типография университета.

Сюда весной 1956 года я принес отпечатанный на машинке диплом «Фельетоны газеты «Правда», откуда его, как полагалось перед защитой, унес в твердом переплете. Больше всех мне нравились фельетоны за подписью «Юрий Золотарев». Он состоял в узком кругу фельетонистов центральных газет, писавших по заданию «инстанций» пасквилы, в частности на самых известных артистов, писателей, спортсменов – Марка Бернеса, Людмилу Гурченко, Эдуарда Стрельцова, чьим именем назвали в Москве стадион. После звонких публикаций делались «оргвыводы» и для героев фельетонов закрывались двери концертных залов, издательств, стадионов.

Спустя полтора года после защиты диплома меня зачислили в штат «Московской правды». И я вдруг стал соседом на этаже с матерым Юрием Леонидовичем Золотаревым, в 34 года казавшимся мне пожилым, плотной комплекции мужчиной, способным растоптать любую репутацию, единственным в редакции беллетристом, членом Союза писателей СССР.

29 мая 1958 года «вся Москва» читала его фельетон «Тузик в обмороке», посвященный Клавдии Шульженко, не забытой с тех пор народом, сочиненный по всем канонам партийной печати. Поводом послужила отмена ее концерта в клубе в связи со смертельной раной собаки – тибетского терьера, попавшего под колеса автомашины. Дирекция клуба написала жалобу в горком партии, отсюда последовало указание газете МГК КПСС наказать зазнавшуюся певицу. Его выполнил Юрий Золотарев, сочинив такие диалоги:

– Не подведите нас, – просит администрация клуба актрису, – вашими афишами оклеены все стены клуба. Народ ждет. Народ хочет слушать песни любви.

– И не просите. Прежде всего любовь к Тузику. А у него катастрофически поднимается температура. Я боюсь, что не переживу этого ... Собака друг человека!

– Клавдия Ивановна! Приезжайте!

– Не могу. Тузик в обмороке.

После публикации актриса заболела и год не выходила на сцену. Я бы не стал вспоминать давнюю историю, если бы не узнал, чем она закончилась много лет спустя. Клавдию Ивановну по телефону попросил о встрече постаревший писатель Золотарев. Придя с букетом роз к ней домой, он стал на колени и покаялся за давний фельетон. У него самого умерла любимая собака, и только тогда он осознал, почему актриса не смогла выйти на сцену.

Золотарев издавал постоянно сборники фельетонов и юмористических рассказов, последний из них вышел в 1984 году в издательстве «Московский рабочий», которого больше нет. Как нет и фельетонов, подобных тем, что сочинял всю жизнь Юрий Леонидович. По натуре он был незлобивый честный человек, единственный, кто на собрании, где меня за не прошедшую ошибку в газете лишили зарплаты, промолчал. Не обвинял в «политической незрелости» за незнание того, что заместитель заведующего отделом пропаганды МГК КПСС получил наказание выхода номера газеты повышение по службе и должность заведующего отделом.

«Магниты очей» князя Потемкина-Таврического

По традиции каждый, кто пишет о старых московских улицах, непременно поминает Пушкина, все те места, где он бывал и жил. Конечно, Никитский бульвар Александр Сергеевич знал хорошо. Его проезды вели к друзьям и знакомым, в квартиру на Арбате, дому родителей Натальи Гончаровой.

Пушкинисты установили, что, приехав в Москву 6 декабря 1828 года, поэт встретил не только друзей, но и свою судьбу. Князь Петр Вяземский, друг Пушкина и поэт, спустя шесть дней после неожиданной радости писал жене:

«Здесь Александр Пушкин, я его совсем не ожидал. Он привез славную новую поэму “Мазепа”, но не Байроновского, а своего. Приехал он недели на три, как сказывает, еще ни в кого не влюбился, а старые любви его немного отшатнулись... Он вовсе не переменялся, хоть, кажется, не так весел. Кончил он также и седьмую песню Онегина, но я еще не слышал».

Вскоре Вяземский о невлюбленности и невеселом настроении друга не мог бы так рассуждать: в том декабре на балу у танцмейстера Иогеля Пушкин впервые увидел юную красавицу Наталью Гончарову и влюбился в нее с первого взгляда.

Князь, переживший Пушкина на сорок лет, дал Москве характеристику, точно выражающую особенность ее застройки, и сегодня, как в пушкинские времена, поражающую контрастами.

Здесь чудо барские палаты
С гербом, где вписан славный род.
Вблизи на курьих ножках хаты
И с огурцами огород.

Судя по оценке поэмы, которая стала известна как «Полтава», Вяземский успел ее услышать в промежутке между днем приезда Пушкина и днем, когда датировано письмо жене – 12 декабря. Но где произошло это событие – не уточнил. Известна и другая запись князя, связанная с чтением поэмы в Москве, ее на этот раз он называет уже «Полтавой»:

«В первый раз Пушкин читал нам “Полтаву” у Сергея Киселева при Американце Толстом и сыне Башилова». Графа Толстого по прозвищу Американец в молодости Пушкин вызывал на дуэль, потом помирился с ним, подружился даже и поручил роль свата, решив жениться на Гончаровой. Сын Башилова – молодой артиллерийский офицер и стихотворец, которому покровительствовал сочинитель «Полтавы». Сергей Киселев, полковник в отставке, часто встречался с Пушкиным в доме юных сестер Екатерины и Елизаветы Ушаковых. У них Пушкин бывал порой по два, три раза в день, блистал остроумием, писал стихи в альбом, рисовал и на его страницах оставил «донжуанский список» всех своих многочисленных романов.

До приезда в Москву в декабре увлечен был Пушкин старшей сестрой Екатериной. Перед смертью она сожгла письма влюбленного Александра Сергеевича, хранившиеся в шкатулке, и призналась дочери, просившей мать не делать этого. «Мы любили друг друга, это была наша сердечная тайна; пусть она умрет с нами».

К сестрам в дом на Пресню Пушкин приезжал верхом на белой лошади и рассказывал, что цыганка ему нагадала смерть от белой лошади или от белокурого человека из-за жены... Что, как известно, сбылось.

Младшая из сестер, Елизавета, вышла замуж вскоре после чтения «Полтавы» за полковника Киселева. А старшую сестру Екатерину из сердца Пушкина вытеснила Наталья Гончарова, увиденная на балу...

Полковник за два года до чтения «Полтавы» жил на Никитском бульваре в доме графини Головкиной. Это сохранившийся в перестроенном виде под номером 8а особняк Центрального дома журналиста. На этом основании, начиная с вышедшего к столетию со дня гибели поэта классического путеводителя «Пушкинская Москва», одни краеведы писали, что, возможно, и в декабре 1928 года Киселев снимал квартиру по этому адресу, и чтение поэмы состоялось здесь. Другие, как историк Петр Сытин, принимали это событие как установленный факт.

Разгадал загадку выдающийся знаток Москвы Сергей Романюк, автор книги «В поисках пушкинской Москвы». В архиве похранившимся исповедальным книгам он установил: в декабре 1928 года полковник Киселев жил в приходе церкви Святых Бориса и Глеба на Поварской улице в доме графа Николая Шереметева. Занимал три комнаты на первом этаже, кухню и семь комнат, включая гостиную и кабинет, на втором этаже. Там и произошло первое чтение «Полтавы» в Москве.

Поэму часто цитировали в 2009 году, когда исполнилось 300 лет со дня триумфальной Полтавской битвы. Ее разыграли в Коломенском у стен воссозданного стараниями мэра Москвы Юрия Лужкова дворца царя Алексея Михайловича, где пировал царь по случаю победы над шведами и рождения дочери Елизаветы, будущей императрицы Елизаветы Петровны.

Об этих событиях весной 2009 года я напомнил мэру Москвы, и по его распоряжению 9 июля состоялось многолюдное театрализованное действо с участием конницы, артиллерии, русских и шведов. В тот день мэр, представив всем Петра Петровича Шереметева, потомка графа «Шереметева благородного», на радостях вместо речи прочел сочиненные по этому случаю стихи:

Полтава, поле нашей славы,
Несокрушимой, как гранит,
Три века память о Полтаве
Душа российская хранит...

На Никитском бульваре на месте Центрального дома журналиста и домов № 8 и 10 перед пожаром 1812 года простиралось владение князей Голицыных. Эта знатная фамилия пошла от боярина по прозвищу Голица – так называлась кожаная рукавица без подкладки. Его потомки роднились с Рюриковичами и Романовыми, служили воеводами, наместниками. А со времен Петра, по подсчетам Н.Н. Голицына, автора книги «Род князей Голицыных», из него вышли четыре генерал-губернатора, семь царских наместников, двенадцать губернаторов военных и гражданских.

В Смутное время князь Василий Васильевич Голицын считался одним из претендентов на осиротевший престол, затем томился в польском плену с Филаретом, будущим патриархом, основателем династии Романовых. Его полный тезка, незадачливый воевода и успешный дипломат, вошел в историю фаворитом царевны Софьи. Обоих лишил власти Борис Голицын, дядька-воспитатель Петра.

Внук фаворита Софьи – Михаил Голицын учился в Сорбонне, служил во флоте. Как паж царицы играл роль придворного шута Анны Иоанновны по прозвищу Квасник. Его насильно женили на любимице императрицы – шутихе калмычке. Свадьбу сыграли в Ледяном дворце. Эта история послужила сюжетом романа Ивана Лажечникова «Ледяной дом», многие его страсти, по словам Пушкина, «будут жить, доколе не забудется русский язык».

Генерал-губернатор Москвы в 1790 году доносил Екатерине II, что «генерал-майора князя С.Ф. Голицына супруга Варвара Васильевна и другие граждане просят дозволения строиться на месте “порозжих мест”, образовавшихся после сноса стен и вала Белого города. Племянница князя Потемкина Варвара Голицына домом на Никитском бульваре обзавелась». Она

и три ее сестры, Екатерина, Александра, Татьяна, выросли в смоленской деревне. Когда их дядя Григорий, фаворит Екатерины II, достиг высшей власти, сестры переселились из провинции в Санкт-Петербург, стали фрейлинами императрицы. Три сестры, за исключением Татьяны, полюбились дяде, а «влюбиться, – как писал свидетель его амуров, – на языке Потемкина, значило наслаждаться плотью». После разной продолжительности романов дядя выдавал родственниц замуж, подбирая им видных и богатых женихов. Младшая из сестер, Екатерина, «ангел во плоти», самая красивая, «отдалась ему, не любя». Державин назвал девушку «магнитом очей». Дядя выдал эту племянницу за польского графа Скавронского, русского посла в Неаполе.

Вторая дочь сестры князя Александра Голицына высокая, стройная, с «царственной осанкой», осталась на всю жизнь лучшей подругой императрицы. Григория Потемкина Александра «сама не переставала страстно любить, и покинутая им» была выдана замуж за коронного польского гетмана и русского генерал-аншефа Браницкого. Когда Александра узнала о болезни дяди, поспешила к нему. Князь Потемкин-Таврический умер по дороге на ее руках в степи под Херсоном, где покоится в соборе основанного им города.

Однако не все потенциальные женихи шли навстречу желанию того, кто не только «разделял тяжесть власти», но и постель с Екатериной II. Одним из таких несговорчивых оказался дед графа Льва Толстого по материнской линии, о чем его внук вспоминал:

«Про деда я знаю то, что, достигнув высоких чинов генерал-аншефа при Екатерине, он вдруг потерял свое положение вследствие отказа жениться на племяннице и любовнице Потемкина, Вареньке Энгельгардт. На предложение Потемкина он отвечал: “с чего он взял, чтобы я женился на его б...”. За этот ответ его удалили из столицы и сослали воеводой в Архангельск. После отставки генерал поселился в Ясной Поляне».

На этом история его отношений с несостоявшейся женой Варварой не закончилась. Спустя годы, когда страсти улеглись, случилось то, что поразило Льва Толстого: «Странная судьба и самым странным образом свела его с той самой Варенькой Энгельгардт, за отказ от которой он пострадал во время своей службы. Варенька эта вышла за князя Сергея Федоровича Голицына, получившего вследствие этого всякого рода чины, ордена и награды. С этим-то Сергеем Федоровичем и с его семьей и, следовательно, с Варварой Васильвной сблизился мой дед до такой степени, что мать моя была в детства обручена одному из десяти сыновей Голицына».

Жену князя Сергея Голицына звали в молодости «рыжей Варенькой». Потемкин называл «улыбочкой». Она родила в браке десять сыновей. Все братья выросли, не умирали в младенчестве, как водилось в других семьях, храбро воевали, заслуживали высокие чины и награды, один из братьев в молодости погиб в битве с французами. Но никому не удалось превзойти отца, героя штурма Очакова, удостоенного всех высших российских орденов, золотой шпаги, алмазных и бриллиантовых знаков к орденам.

По словам литератора Филиппа Вигеля, знавшего семью князя Голицына с детства, «в нем билось истинно русское сердце, он был наружности приятен, был добр, умен и храбр. Все склонности у него были молодецкие». Среди них – азартная игра в карты. В молодости князь слыл отчаянным игроком, до последней копейки проигрывался, «пока фортуна не сделалась к нему благосклонней, и он несколько сот тысяч не приобрел игрой». После чего, как теперь выражаются «завязал», к картам не прикасался.

Постоянно брал карты в руки поселившийся в 1794 году в Москве Иван Крылов, в то время малоизвестный питерский литератор, бывший на учете у московской полиции как профессиональный игрок. Ничем другим он не занимался. Не исключено, что знакомство князя и классика русской литературы произошло на почве общей страсти.

Ивана Крылова занесли в реестр нежелательных игроков для проживания в Москве, представленный Екатерине II. После чего пришлось будущему баснописцу покинуть родной город. После смерти императрицы Крылова благосклонно принимает Павел I. Императору в

знак благодарности преподносится трагедия «Клеопатра», явная отсылка к Екатерине II, невоздержанной в любви, как и легендарная египетская царица, покончившая жизнь самоубийством.

После аудиенции Крылов возвращается в Москву, поступает личным секретарем к князю Сергею Голицыну, живет летом в его поместье, зимой в доме на Никитском бульваре, где учит его младших сыновей русскому языку.

Центральный дом журналиста, бывший дом Голицыных, потом – дом графини Головкиной

Понять не могу, почему Ивану Крылову памятник установили у детской площадки на Патриарших прудах. С его жизнью связан Никитский бульвар, дом Голицыных, и Страстной бульвар, 6, дом И.И. Бенкендорфа, родственника шефа жандармов. Живя в Москве, наш великий баснописец не просто перевел с французского две басни Лафонтена, но и перевоплотил заморских персонажей в соотечественников. Представил их в обстоятельствах драматичных и злободневных, в стиле не классическом, не сентиментальном, не романтическом, а в естественном, реалистическом, как позволял себе до него разве что непечатный Иван Барков.

В первой басне вельможный «дуб» хвалился могуществом пред тонкой бедной «тростинкой», предрекал ей гибель в бурю. Но когда беда случилась, «тростиночка к земле припала», а ветер вырвал с корнем «того, кто небесам главой своей касался и в области теней пятою упирался». Во второй басне «разборчивая невеста год за годом отвергала завидных женихов, и все кончилось для нее печально: «За первого, кто к ней присватался, пошла: И рада, рада уж была, что вышла за калеку». Обе басни появились в январе 1806 года в журнале «Московский зритель». С ними вошел в русскую литературу Иван Андреевич Крылов.

Сергей Голицын умер до Отечественной войны 1812 года. Можно представить, какая библиотека сгорела у любителя книг, искусства и у его жены. Обоих в сообществе Потемкина и Екатерины II воспел в «Осени во время осады Очакова» Гавриил Державин. Описав подвиги русского воинства и Марса – Потемкина, обращался поэт к князю с такой просьбой:

И ты спеши скорей, Голицын!

Принести в твой дом с оливой лавр.
Твоя супруга златовласа,
Пленира сердцем и лицом,
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приедешь в дом.

«Златовласая Пленира», как многие русские дамы ее круга, увлекалась французскими романами. Один из них, «Заблуждения от любви», перевела на русский язык, посвятив перевод мужу. Книга вышла в Тамбове. Державину, служившему там губернатором, книга понравилась, и он послал роман в Москву Хераскову, слывшему тогда «русским Гомером».

Главноуправляющим имениями Голицыных служил подполковник в отставке Федор Андреевич Рылеев. Это был отец Кондратия Рылеева, принесший много горя жене и сыну при жизни деспотизмом и после смерти – начеком в 80 000 рублей. Выиграла иск по суду не кто иная, как «златовласая Пленира».

Я сомневаюсь, что в ее доме, как многие пишут, читал свои оды вольнолюбивый поэт, повешенный на кронверке Петропавловской крепости в числе пяти декабристов, возглавлявших восстание на Сенатской площади. До начала Отечественной войны юный Рылеев пребывал вдали от Москвы в кадетском корпусе, а его первые стихотворные опусы появились не позднее 1813 года, когда овдовевшая княгиня на Никитском бульваре не жила. Ее московский дворец после пожара стоял в руинах. Возродить владение на Никитском бульваре княгиня не стала. Жила последние годы в своем имении, не в роскошном дворце, а в домике у сельской церкви и могилы мужа.

Разоренное гнездо Голицыных перешло в руки графини Головкиной. Москва узнала об этой фамилии при Алексее Михайловиче после женитьбы безвестного сына тульского помещика на родственнице жены царя Натальи Нарышкиной. Ее троюродный брат Гавриил в детстве подружился с Петром, сопровождал его в походах и боях, рубил корабли на заморских верфях, ведал внешней политикой империи при четырех императорах, был канцлером.

Сын канцлера Михаил сорвался с вершины власти и, после дворцового переворота приговоренный к смертной казни, был сослан и умер в Собачьем Остроге, в Якутии. Его родной брат Александр представлял Россию за границей. После опалы Михаила остался в Голландии, где и умер. Вернувшийся на родину внук канцлера Федор пошел по стопам отца и деда, служил посланником, в столице устраивал придворные церемонии и оставил потомкам ценимые историками «Записки» о царствовании Екатерины II и Павла I.

Графиня Головкина появилась хозяйкой на Никитском бульваре, когда ее муж умер и в Москве наместником царя служил генерал-губернатор князь Дмитрий Владимирович Голицын, герой Бородин, правивший городом почти четверть века. При нем, как писал очевидец, «давно мы уже не видим разоренных домов, напротив того, Москва возродилась, стала изящнее, стройнее, нежели была прежде. На тех местах, где многие еще помнят болота, явились прекрасные густые аллеи». Одной из таких аллей стал Никитский бульвар, рассказ о котором я продолжу далее.

«Соловьиный дом». Кто жил в нем?

Указом Павла I по проекту Василия Стасова у Арбатских ворот появилась одна из одиннадцати типовых гостиниц Москвы. Подобные ей двухэтажные здания в стиле классицизма встречали приезжих и у других ворот-площадей на месте сломанного Белого города. До наших дней сохранились три бывшие гостиницы – у Петровских, Сретенских и Покровских Ворот, но утратившие после перестроек классический наряд.

На Арбатской площади гостиницу XVIII века сломали ради транспортного тоннеля, укоротившего бульвар, где росли деревья времен Александра I. В два ряда липы на аллее шириной около двадцати метров высадили после пожара 1812 года.

Путеводитель по Москве 1831 года описывал Никитский бульвар так: «Днем тут встретите исключительно гуляющих детей с их няньками; вечерами же он служит большей частью для милых свиданий». Ныне, рекламируя выставленные на продажу квартиры, пишут, что бульвар «выделяется обилием зелени и лавочек, а под сенью лип здесь любили гулять Пушкин, Гоголь, Островский и Чайковский».

Да, Пушкин не миновал Никитский бульвар. Когда здесь поселился Гоголь (о чем – далее), актерам Малого театра он блистательно читал «Ревизора», у него бывали Аксаковы, Тургенев. В особняк на бульваре напротив комнат Гоголя, когда там жил директор императорских театров Федор Кокошкин, постоянно навещались все известные и начинающие актеры, литераторы и музыканты.

О прогулках Чайковского свидетельствует письмо Балакирева, где тот советовал молодому композитору, прежде чем сочинять музыку, «воспламениться планом». После чего предлагал: «Тогда вооружитесь мокроступами и с палкой отправляйтесь шествовать бульварами, начиная с Никитского, проникайтесь вашим планом, и я убежден, что, не доходя Сретенского бульвара, у вас уже будет какая-то тема или какой-нибудь эпизод». Возможно, этим советом Петр Ильич воспользовался.

Подобно Гоголевскому – Никитский бульвар со стороны центра, Белого города, большей частью остался приземистым, каким выглядел в XIX веке. А с другой стороны стал многоэтажным, что видно с первого взгляда.

Ворота и бульвар рушили в несколько приемов. В пятую годовщину советской власти, 5 октября 1922 года при жизни Ленина вышло решение исполкома Московского Совета «О сносе ц. Бориса и Глеба на Арбатской пл., как стесняющей движение, и в связи с новой планировкой города». Власти Хамовнического района этот акт вандализма лживо обосновывали интересами народа, утверждая, что «церковь расположена как бы на островке Арбатской площади, причем со всех сторон наблюдается усиленное и беспорядочное движение, грозящее жизни и безопасности проходящим гражданам».

Приговор привели в исполнение в 1930 году, когда началась прокладка линий метро. Первое упоминание о церкви Бориса и Глеба относится к 28 июля 1493 года. Под этим днем летописец помянул о большом московском пожаре: «...и выгоре посад за Неглимною от Духа Святого по Черторыю и по Борис Глеб на Арбате». Церковь Святого Духа стояла на месте наземного вестибюля станции метро «Кропоткинская». Вблизи нее протекал ручей Черторый, упрятанный в XIX веке в трубу. Каменной взамен деревянной церковь стала при отце Ивана Грозного, великом князе Василии III. Второй раз ее возвел в камне много строивший при Екатерине II потомственный архитектор Карл Бланк. Ему императрица заказывала в Москве церкви, поручила составить проект Воспитательного дома, самого грандиозного здания города, рассчитанного на десять тысяч подкидышей и сирот, живших с воспитателями и врачами под его крышей до совершеннолетия.

Церковь Бориса и Глеба на месте обветшавшего храма Карл Бланк построил «в ярких формах барокко», благодаря щедрому вкладу Алексея Бестужева-Рюмина, неподкупного вельможи, испытавшего на себе превратности судьбы. Его, вице-канцлера и канцлера, ведавшего дипломатией России, «не запятнавшего себя никакими осязательными доказательствами милостивого расположения иностранных дворов», дважды судили за мнимую государственную измену. Приговаривали к четвертованию и смертной казни. Из ссылки его вернула Екатерина II, пожаловавшая никогда не воевавшему дипломату звание генерал-фельдмаршала. На радостях семидесятилетний приверженец молодой царицы в память о случившемся чуде дал деньги на церковь.

Храм украшал Арбатскую площадь. Купол и шпиль колокольни поднимались над домами бульваров и улиц, окружавших площадь. Борис Пастернак, в молодости живший поблизости, незадолго до смерти помянул церковь в «Вакханалии»:

Город. Зимнее небо.
Тьма. Пролеты ворот.
У Бориса и Глеба
Свет и служба идет.

Это стихотворение-воспоминание он первоначально сочинил в другом размере, с деталями былой жизни, в которой участвовал и как стихотворец, и как прихожанин, ощущая при богослужении запах сосны от шушунов молящихся старух и любуясь золотом риз в «полутьме дымно-сизой»:

В городе хмурится зимнее небо,
Ветер врывается в арки ворот,
Тянутся люди к Борису и Глебу,
Слышится пенье и служба идет...

Шла насильно оборванная служба, как легко подсчитать, 437 лет.

Храм Бориса и Глеба, когда владения на улицах города пронумеровали, получил номер 4. Начиная бульвар с четной стороны дом под номером 2, принадлежавший подмосковной Давыдовской пустыни, старинному монастырю на реке Лопасне у нынешнего города Чехова. Антон Павлович, живший поблизости, приглашая побывать в монастыре, писал: «Поедем в красивую Давыдову пустынь». Ее прелесть, в отличие от красоты храма Бориса и Глеба, сохранилась до наших дней.

Арендовал квартиру в доме № 2 некто Антон Григорьевич Бланк, занимавшийся набивкой чучел и «торговлей птиц», живший здесь с женой и дочерью. Сведений о других обитателях не сохранилось.

В поле зрения фотографов, снимавших лучшие виды Москвы, дом не попадал, его прикрывали стены и купола храма Бориса и Глеба и другой церкви на площади в честь святого Тихона, разделившей участь сотен разрушенных храмов.

О доме на Никитском бульваре, 6, заговорили громко, когда его начали ломать, чтобы построить девятиэтажную гостиницу. Четырехэтажное здание с аркой во двор, декорированное карнизами и лепниной в стиле модерн, стали оплакивать под именем «Соловьиного дома». В прошлом так его никто не звал.

В XVIII веке владение принадлежало князю Шаховскому Алексею Ивановичу, жившему в 1690–1737 годах, одно время правившему Малороссией, то есть Украиной. Этот князь взял на воспитание осиротевшего племянника Якова, будущего обер-прокурора Синода и генерал-прокурора, автора «Записок». Его признают одним из честнейших сановников своего вре-

мени, «примером добродетели». Описывая его жизнь, Александр Радищев в качестве эпитафии использовал строки Державина:

Закону Божьему послушен,
Чувствителен, великодушен,
Не горд, не подл и не труслив,
К себе строже, чем к другому,
К поступкам хитрым не ревнив,
Идет лишь по пути прямому.

После пожара Москвы владение принадлежало Федору Федоровичу Кокошкину, драматургу, актеру, переводчику, ревнителю театра. Это имя не кануло в Лету. За молодого дворянина вышла замуж, дочь Ивана Петровича Архарова Варвара. В день коронации Павел I назначил его военным губернатором Москвы, командиром восьми батальонов московского гарнизона. Всего год управлял генерал Москвой, внезапно сосланный императором в деревню без права появления в столицах. Но в историю успели войти «*архаровцы*», подчиненные губернатора, рьяно исполнявшие не только военные, но и полицейские обязанности. Дом генерала на Пречистенке, по описаниям современников, «был открыт для всех знакомых с утра до вечера. Каждый день у них обедало не менее сорока человек, а по воскресеньям давались балы».

Прославился в Москве хлебосольством и дом его зятя, Федора. Известность принес ему перевод и перделка в стихах комедии Мольера «Мизантроп». Действие заканчивалось словами героя: «Пойду искать по свету...», предвосхитившими слова Чацкого в «Горе от ума»: «Пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок». На французский язык он перевел элегию Пушкина «Запоздалый лист», написанную поэтом в 22 года:

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты...

Когда «Горе от ума», считавшееся «пасквилом на Москву», в театрах ставить запрещалось, Кокошкин читал комедию в присутствии автора и друзей. Его исполнение пользовалось успехом у самой взыскательной публики, включая членов императорской фамилии.

Записанный в четыре года в сержанты Преображенского полка, Кокошкин недолго числился в армии и вышел в отставку по болезни. Страстью была литература и театр. Его большой гостеприимный дом, где проходили репетиции, ставились пьесы, шла азартная карточная игра, называли «храмом Талии и Мельпомены и вместе с тем богатою гастрономической отелю». У Кокошкина до переезда в Петербург снимал квартиру Николай Карамзин в доме на Воздвиженке, где разросся сквер у «Художественного». Дом на углу этой улицы и Никитском бульваре Кокошкин приобрел позднее, став директором императорских театров.

Вершина жизни пришлась на десять лет, когда Кокошкин руководил Большим и Малым театрами, «выказывая большую энергию и любовь к делу, которому служил». При нем театральное искусство в Москве процветало. Стараниями директора восстановили долго стоявший в руинах сгоревший в 1812 году Петровский театр. Однажды, услышав восторженные отзывы о певчем Новоспасского монастыря, которым оказался помощник приказчика лесного склада, директор императорских театров посетил службу. И уговорил певца учиться вокалу, поселил бедняка в своем доме. Спустя год публика рукоплескала новоявленному кумиру – Николаю Лаврову, исполнявшему баритональные и басовые партии.

Директор дружил с великими актерами Мочаловым, Живокини, Щепкиным, которого пригласил на сцену Малого театра. Занимался устройством театральной школы, существующей поныне, образованием и воспитанием актеров. Кокошкин пленился талантом молодой актрисы Марии Львовой-Синицкой, влюбился в нее, дал ей квартиру в своем доме, открыв путь на сцену. Она играла на редкость долго, свыше тридцати лет. Для ее бенефиса, первого выступления в Москве, Грибоедов и Вяземский написали по просьбе директора водевиль «Кто брат, кто сестра», где Мария сыграла и женскую, и мужскую роль.

К неудовольствию генерал-губернатора Москвы и знати, говорившей и думавшей на французском языке, Кокошкин противился приезду на гастроли в Москву французских трупп. Всему иностранному в искусстве предпочитал, невзирая на веские доводы, отечественное, став в обществе героем анекдотов. Так, Кокошкин заверял собеседников «своей честью», что Уильям Шекспир ничего хорошего не написал, «хотя его не читал». В других вариантах анекдотов фигурировали Фридрих Шиллер и Вальтер Скотт.

Разменяв седьмой десяток, Кокошкин женился на возлюбленной, актрисе Потанчиковой, родившей ему сына и дочь. Спустя четыре года после брака, скончавшегося от паралича великого театрала в возрасте 65 лет похоронили в Донском монастыре.

Дом на Никитском бульваре, 6 выглядел невысоким, как все другие дворянские особняки в стиле ампира. В нем пролетели лучшие годы жизни композитора и певца, страстного игрока в карты Александра Варламова. Природа наградила сына титулярного советника, родившегося в Москве, голосом и страстью к музыке. Он сам научился играть на скрипке, виолончели, фортепиано и гитаре. В десять лет его взяли в придворную певческую капеллу. После Петербурга в Гааге, где жила вышедшая за голландского кронпринца сестра Александра I, Варламов служил регентом придворной русской церкви. Вращаясь в кругу оперных артистов, овладел «искусством пения», стал автором первой методики по вокалу «Полной школы пения», последнее издание которой вышло в 1953 году век спустя после смерти автора.

Живя в кругу богемы, Варламов заимел привычку, как писали в «Биографиях» Брокгауз и Эфрон, «к беспорядочной и рассеянной жизни», там же его называют «известным композитором-дилетантом». Иную оценку дал академик и композитор Асафьев, назвав Варламова «выдающимся преобразователем романской мелодики», обладающей «глубоким дыханием, разнообразием и пластичностью».

Все эти качества проявились, когда Варламову пришлось из Европы вернуться на родину, где состоялся бракоразводный процесс с беспутной матерью четверых его детей. В Москве новая жизнь началась в должности помощника капельмейстера императорских театров, актеры под его аккомпанемент разучивали оперные партии, учились петь.

В тридцать лет Варламов встретил Марию Львову-Синицкую и безнадежно влюбился. По ее совету сочинил музыку на стихи умершего поэта и друга Николая Цыганова. Так появился «Музыкальный альбом на 1833 год» из девяти романсов. Один из них начинался словами: *«Не шей ты мне, матушка, красный сарафан»*. Это песня девушки, не желавшей идти замуж, чему сопутствовало шитье красного сарафана, стала народной.

Не шей ты мне, матушка, красный сарафан,
Не входи, родимая, попусту в изъян.
Рано мою косыньку на две расплетать.
Прикажи мне русую в ленту убирать!

Варламов посвятил романс любимой женщине Марии Львовой-Синецкой. Мелодия покорила не только Россию, но и Европу, исполнив роль, подобную той, какую сыграли «Подмосковные вечера» в XX веке.

По словам очевидца, романс «произвел фурор и пелся везде и всеми, словом, сделался общей песней. Он был певаем всеми сословиями – и в гостиной вельможи, и в курной избе мужика». Пушкину «Красный сарафан» пела до замужества Наталья Гончарова, волнуя до слез. Гоголь в «Ревизоре» заставил напевать романс Хлестакова. Возлюбленная Тургенева певица Полина Виардо постоянно исполняла этот шедевр в концертах. В романе Голсуорси «Конец главы» неоднократная игра на фортепиано «Красного сарафана» заморозила мужа героини.

Вся Россия пела романсы «Что отуманилась зоренька ясная», «На заре ты ее не буди», «Вдоль по улице метелица метет» и многие другие. На музыку романса «Не бил барабан перед смутным полком» сочинили другой текст, ставший траурной песней революционеров «Вы жертвою пали борьбы роковой». Ее пели на похоронах «борцов за народное дело».

Из дома на Никитском бульваре Варламов с молодой женой, родившей ему двоих детей, уехал в Петербург, где умер за карточным столом. О нем, Львовой-Синицкой и Лаврове, живших под одной крышей, писатель Нина Молева рассказала в главе «Соловьиный дом» своей книги о Москве. Очевидно, с ее легкой руки этот образ овладел умами масс. Но я понять не могу, почему «Соловьиный дом», а не «Сарафанный». Ведь романс «Соловей» написал другой замечательный композитор.

И еще меня волнует вопрос: когда Россия снова запоеет романсы?

На Арбатской площади в память о древней церкви Бориса и Глеба воздвигнута часовня. Памятная доска у входа в нее гласит, что появилась она при патриархе Алексии II и президенте России Ельцине.

Когда летописи упоминали о закладке новых храмов в Москве, они непременно называли Патриарха Московского и всея Руси и царя. Трудно поверить, что бывший первый секретарь Уральского обкома, Московского горкома, секретарь ЦК партии и кандидат в члены Политбюро, сдав партийный билет, уверовал в Бога, в то, что его новорожденного внука, названного Глебом, возьмет под небесное крыло святой Глеб, киевский князь, сотни лет тому назад убитый родным братом в борьбе за престол и объявленный Русской православной церковью святым. То была форма религиозного популизма сродни политическому, в котором проявил себя Борис Николаевич.

По его наводке моя родная газета «Московская правда» наносила удары по спецшколам и спецбольницам, которые радовали всю Москву. И в один прекрасный день в кабинете редактора газеты в дверном проеме показался первый секретарь МГК партии Ельцин, чего никогда прежде не наблюдалось за всю историю ее существования. Пришел в сопровождении заведующей идеологическим отделом МГК, молча сидевшей в углу зала, пока Ельцин выслушивал всех журналистов, сидевших за большим столом. Каждый говорил о наболевшем. Олег, сын автора школьного учебника по истории, Базилевича, давно рвался свести счеты с первым секретарем Фрунзенского райкома партии. Писал он не об истории СССР, как отец, а о торговле. И на руку сам был нечист, вымогал взятки.

Секретарей райкома, тем более первых, орган МГК никогда не задевал. Базилевич разрешение тотчас получил. Борис Николаевич за короткий срок пребывания на Старой площади многих первых секретарей райкомов Москвы снял, в некоторых районах успел сделать это дважды, и не раз секретари райкомов кончали жизнь самоубийством.

Председатель месткома Наташа (будущий главный редактор «Российской газеты») жаловалась, что не выделяют землю под дачи, медленно движется очередь на автомашины, и заказы продуктовые плохие, «ножек» не дают, а в праздник на стол хочется поставить холодец. Ельцин все всем обещал. Я обратил его внимание, что в центре города ЦК партии, Министерство обороны, КГБ строят большие административные здания, а старая Москва разрушается.

Сидели мы, не вставая из-за стола, часа четыре. Ельцин никого не перебивал, умел слушать. Разговор заключил словами, что нами доволен, «коллектив боевой». Но вскоре сменил главного редактора. Про обещанные блага – дачи, машины и заказы – забыл.

Протягивая ноги волейболиста сборной СССР в «москвич», Ельцин, отстраненный от власти, ездил по Москве, ходил в районную поликлинику, демонстрируя демократизм. Никто не подозревал, на какие иномарки он переседет, какими врачи попользуется, в какие школы пойдут его внуки.

«Соловьиный дом», Никитский бульвар, 6

Между снесенным «Соловьиным домом» и доходным многоэтажным домом № 8 притаился за оградой под номером 8а Центральный дом журналиста. Войти в него, не так как сейчас, мог в прошлом только обладатель членского билета Союза журналистов СССР. Пивной зал в подвале с настенными рисунками датского карикатуриста Бидструпа всегда был полон. Пиво, самое лучшее, наливали из бочек. В ресторан дома, филиал «Праги», часто приходили Юрий Григорович, Расул Гамзатов, Белла Ахмадулина, Людмила Зыкина, Эдуард Хиль, зять Хрущева Алексей Аджубей, когда был редактором «Комсомольской правды» и «Известий»... Фирменное блюдо, поджарка по-суворовски их трех сортов мяса, подавалась на огне, горевшем под сковородкой.

О подземных залах ресторана в сводчатых подвалах XVIII века журналисты не догадывались. Туда я попал впервые, когда там принимали начальника Главного управления общественного питания, чему я поспособствовал. У него просили хорошую посуду, приборы, ска-терти. Купить все это в магазине было невозможно. В тех залах принимали, как сейчас говорят, исключительно «випов», важных персон. Все, что говорили подвыпившие журналисты и гости, на Лубянке знали. Для этого в ЦДЖ существовала тайная комната со всегда закрытой дверью, не бывшая секретом для сотрудников, где стояла звукозаписывающая аппаратура.

Из западни на Запад. Судьба гениев Никитского бульвара

В одном доме, на Никитском бульваре, 6, жили в советской Москве два выдающихся артиста. Один из них играл в театре и кино, создал систему обучения актеров, успешно конкурирующую с системой Станиславского. Второй стал новатором в музыке, создал первый симфонический оркестр, игравший без дирижера. Он воспитал знаменитых учеников, судьбы которых удивительны. Кто они?

Из дома на Никитском бульваре в 1928 году, пока еще «железный занавес» не опустился, уехал на лечение в Германию Михаил Чехов, признанный лучшим актером России. На тех, кто его видел, «ошеломляющее впечатление» произвело исполнение ролей Хлестакова и Гамлета. С одинаковой силой он воплощал на сцене комедийные и трагические образы.

После генеральной репетиции «Ревизора» один из ведущих актеров МХАТа Лужский, выступавший в нем со дня открытия, в дневнике записал: «Громадный успех, такой, какой не видел еще ни один актер на сцене МХАТ». А видел он Качалова, Москвина, Леонидова, всех основателей Художественного театра. Но народным артистом СССР, лауреатом Сталинских премий, орденосцем и любимцем вождя, как великие «старики» из Камергерского переулка, Михаил Чехов не стал. Потому что страшился ареста и не вернулся в Москву.

...Его великий дядя, чье имя носит Художественный театр, обратил внимание на племянника, сына старшего брата Александра, когда малышу исполнилось четыре года. «Миша удивительный мальчик. В его глазах блестит нервность. Я думаю, – писал Антон Чехов сестре, – что из него выйдет талантливый человек». Ребенок родился нервным, врачи поставили диагноз «гиперемия мозга». Отец, литератор, страдавший алкоголизмом, писал книги о вреде пьянства, и сам же приучил сына пить, давал деньги на проституток.

В 1912 году Станиславский, прослушав монологи Михаила Чехова, игравшего до тех пор в Петербурге, пришел к выводу: «Без всяких сомнений, талантлив, обаятелен. Одна из настоящих надежд будущего». Поначалу, как всех новичков, занимал его в массовых, народных сценах, поручал эпизодические роли.

Нервы не позволили сыграть роль самоубийцы. В тот день, когда Михаил Чехов, одолевая страхи, сбежал с репетиции «Чайки», взятым тайно у него пистолетом застрелился его двоюродный брат. Страдание усилилось разрывом с женой.

Выйти из кризиса помогли лечение и занятия с актерами. В конце концов Михаил Чехов возглавил 1-ю студию Художественного театра, преобразованную во МХАТ-2. За исполнение роли Гамлета нарком Луначарский вручил ему грамоту заслуженного артиста республики.

Казалось бы, все складывается замечательно. Несмотря на страхи, страсть к картам и вину, Михаил Чехов успевал играть на сцене и в кино, заниматься философией, писал статьи и книгу «Путь актера». Прочитав ее, Зинаида Райх, актриса и жена Мейерхольда, писала автору: «Я пьяна вашей книжкой. В ней коротенькой я почувствовала длинную замечательную жизнь, Вас замечательного».

М.А. Чехов

Но МХАТ-2 раскололся. Михаил Чехов, уехав со второй женой из СССР на два месяца, продлил пребывание за границей на год. Потом, опасаясь возможного ареста, о чем ему стало известно, в Москву не вернулся, успешно выступал в разных городах Европы. Когда запахло войной, переплыл океан. В Голливуде снимался в кино, годами занимался с Мэрилин Монро, Грегори Пekom и другими кинозвездами Америки, ставил спектакли в Лабораторном театре Голливуда, читал лекции. И таким образом дал основание американцам признать: «Режиссура гениальна. Влияние Чехова на американский театр гораздо более значительно, чем на русский театр, его имя получило мировую известность после того, как стало известно в Америке».

Как многие в США, жил в собственном доме. По описанию очевидца, «дом Чехова был небольшой. Но какой-то удивительно складный и удобный. Гостиная, где принимались все посетители, ученики, актеры, знакомые. Это была самая большая комната в доме, с хорошей английской мебелью... Следующая большая вместительная комната служила столовой. И потом – коридор, по коридору – три спальни... Коридор кончался довольно большой застекленной террасой, которая выходила в сад и была приспособлена как кабинет и библиотека». Дом Чехов завещал дочери Ольге. Умер Михаил Чехов в 1955 году.

Другой жилец дома на Никитском бульваре, 6 виртуозно играл на скрипке, множил в классе Московской консерватории лауреатов международных премий, славивших СССР.

Постоянным жителем Москвы Лев Цейтлин стал не сразу, после учения в Петербурге проявил себя как скрипач в Европе, где впервые исполнил с Бартоком его сонату № 1 для скрипки и фортепиано. Раньше всех сыграл концерт Сибелиуса и «Поэму» Шоссона.

Революцию 1917 года преуспевавший музыкант встретил как концертмейстер оркестра Большого театра и первая скрипка созданного им квартета. Год спустя после захвата власти коммунистами организовал струнный квартет имени В.И. Ленина. В голодной и холодной советской столице подобные квартеты – имени Страдивари, Музыкального отдела Наркомпроса, Бородина, Бетховена и так далее – возникали часто, как в наши дни рок-группы.

За свою жизнь Цейтлин создал три квартета и один уникальный симфонический оркестр, игравший без дирижера. Пишут: якобы такое беспрецедентное явление в мировом искусстве возникло под «влиянием большевистской идеи коллективного труда». По-моему, все объясняется без политики партии. В ее ряды, разменяв шестой десяток, музыкант вступил в 1941 году, когда разразилась война и членский билет ВКП(б) заслуженному деятелю искусств РСФСР, профессору и заведующему кафедрой Московской консерватории, доктору искусствоведения благ и привилегий дать не мог. По-моему, все дело заключалось в идее жизнерадостного молодого музыканта создать оркестр, который бы существовал как сообщество единомышленников, без дирижера. Например, в квартете четыре музыканта (две скрипки, альт и виолончель) перед выступлением на публике часами репетируют и решают, как и что им играть. Подобным образом поступали артисты оркестра. На концертах, глядя не на дирижера, а друг другу в глаза, они знали без взмаха руки, как им играть.

Так в пролетарской столице в 1922 году появился Первый симфонический ансамбль Моссовета, сокращенно – «Персимфанс». Цейтлин пригласил участвовать в нем лучших музыкантов Большого театра, профессоров и студентов Московской консерватории. С «Персимфансом» исполняли концерты Игумнов, Нейгауз, Софроницкий, иностранные гастролеры, пели Нежданова, Обухова, Козловский. Оркестру без дирижера доверяли первое исполнение композиторов.

«Персимфанс» Сергей Прокофьев назвал «одним из лучших в мире» оркестров. Вернувшись на родину из Парижа в 1927 году, он позволил впервые исполнить Третий концерт для фортепиано с оркестром. В дневнике Прокофьев подробно описал встречу с оркестром, сыгравшим в его честь марш. Понравилась репетиция, которую вел Цейтлин, поразились, что мог «встать второй тромбон или третья валторна и говорить: «Товарищи, здесь надо сделать то-то и то-то...»

После репетиции Прокофьев прошел в правление «Персимфанса», оказавшееся этажом ниже в здании Московской консерватории «в комнатке, которая в одно время служит жилищем Цейтлину и его жене, спавшим за занавеской». В ней увидел два стула и два стола.

По примеру «Персимфанса» возникли оркестры без дирижеров в Ленинграде и других городах СССР, за границей – в Лейпциге и Нью-Йорке. Первому симфоническому ансамблю единогодушия хватило на десять лет. Он распался в 1932 году, после того как Лев Цейтлин покинул оркестр. Демократию музыкантов победила диктатура дирижеров.

После войны профессор ютился в крошечной комнате на Конюшковской улице, настолько маленькой, что, как пишет его ученик, приглашенный однажды здесь переночевать, раскладушку профессор снял со стены. На ней висели за недостатком места складные стулья.

Из скрипичного класса Льва Цейтлина, где царили дружелюбие и единогодушие, вышли прославленные скрипачи, чьи имена до недавних лет украшали афиши Москвы и городов мира. Самый легендарный из них не заслужил на родине орденов и почетных званий. В 1974 году отодвинутый на обочину искусства, «забитый и забытый» солист Московской консерватории Борис Гольдштейн с женой и детьми эмигрировал из СССР в Западную Германию. Там сразу занял место профессора одной из высших музыкальных школ, стал выступать по всему миру, вызывая до последних дней жизни восторг слушателей и музыкальных критиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.